

УДК39:316.7 (571.1)

А. Г. Тучков

ТРАДИЦИОННОЕ РЫБОЛОВСТВО СРЕДНЕОБСКИХ СЕЛЬКУПОВ В ПЕРИОД РАДИКАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ 1920–30-х ГОДОВ

Статья основана на архивных материалах ГАТО и НА ТОКМ 1920–30-х гг. В центре внимания – механизмы изменения культуры селькупов в переломное для российской экономики время. Выявлено, что под воздействием новых для селькупского этноса форм хозяйствования и социальных отношений, культурные традиции в области рыболовства претерпели серьезные изменения. Результатом этих изменений явилась высокая степень интеграции хозяйства селькупов в территориальную экономику края.

Ключевые слова: традиционное рыболовство, новые экономические условия, изменения в традиционной экономике, трансформация культуры этноса.

Вопрос о взаимодействии традиционных форм хозяйствования и мировоззрения среднеобских селькупов с экономическими, политическими и идеологическими реалиями 1920–30-х гг. является актуальным как в понимании условий изменения их этнической культуры, так и в выяснении причин этих изменений. В центре внимания статьи, основанной на архивных материалах, характеризующих данный исторический этап в этнической истории среднеобских селькупов, находятся вопросы государственного реформирования традиционного рыболовного промысла в период становления плановой экономики и колхозного движения в Нарымском крае. Акцент работы направлен на выявление инновационных сдвигов в экономике селькупов, приведших к культурной трансформации в системе традиционного селькупского рыболовства.

Территория проживания среднеобских селькупов относится, по определению специалистов, к «среднеобскому рыбохозяйственному озерно-речному заморному району», охватывающему бассейн Оби от Колпашева до устья Иртыша [1, с. 42; 2, с. 18–19]. В пределах этого района селькупы проживают по берегам рек Парабель, Васюган, Тым и Кеть. Ихтиофауна на территории их проживания представлена карповыми (язь, чебак, елец, карась, линь, пескарь), окуневыми (окунь, ёрш), щуковыми (щука) и тресковыми (налим) семействами. Промысловое значение в хозяйстве селькупов имели только язь, чебак, елец, карась, окунь, щука и налим; иногда в бассейне р. Тым добывали осетра, стерлядь и нельму [3, л. 57].

Гидрологические особенности водоемов и экология (биология) рыб, их промысловое значение обусловили традиционный сезонный тип ведения рыбопромысла у селькупов. На Кети он осуществлялся в промежутке между осенним и весенним белкованием, а также весной и летом. Товарное значение имел весенний и летний промыслы, ко-

торые давали от 10 до 40 ц рыбы на одно селькупское хозяйство [4, с. 21–22; 5, л. 53 об].

Рыбный промысел тымских селькупов был сосредоточен на наиболее ценных промысловых участках и отличался своей экстенсивностью. Сама р. Тым практически не эксплуатировалась: только в течение короткого периода весны на ней производился небольшой облов рыбы. Зато в течение мая, июля и октября максимально использовались акки¹. Притоки Тыма (малые речки) эксплуатировались с середины апреля до середины мая, а также в октябре и декабре. *Сора* (заливные луга) и озера – в мае–июне [3, л. 88].

Тымские селькупы весенне-летний период проводили в крытых лодках, что позволяло им постоянно передвигаться всей семьей по своим промысловым угодьям. Весной (май и часть июня) ими производился нерестовый лов на местах нереста и по пути хода рыбы. Летний (жировой) лов осуществлялся с июня по август на наиболее кормных местах. Осенью практиковался запорный и подледный лов на пути хода рыбы. Зимой – «духовой» лов в местах скопления рыбных стад и ранней весной в момент ската рыбы с мест зимовки. Максимальный объем улова давал только весенний (март–июнь) и летний (июнь–август) жировой промыслы [3, л. 82, 87 об].

В качестве основных рыболовных орудий на Кети использовались невода, ставные сети, режевки, запоры, дорожки, крючки, жерлицы. Для облавливания заповров в зимнее время кетские селькупы применяли неводные снасти [2, с. 21]. Практиковался на Кети летний способ лова рыбы *сежой* – ловушкой в виде сетевого мешка, которая устанавливалась на мелких местах водоемов [6, с. 30].

Набор рыболовного инвентаря на Тyme был шире, чем на Кети: невода (речные и озерные), сети (режевка, частушка, карасевая, язевая), атармы, запоры с неводом, венгеря, котцы, матки, переметы, фитили, жерлицы, дорожки [4, с. 44; 3,

¹ Сельк.: *акка* – старое русло реки, протока, рукав реки.

л. 80]. В зимнее время при ловле осетра или налима тымские селькупы использовали подледную ставную сеть *прогон*. Размер такой сети не превышал 50–60 м. В целом же размеры невода на Тyme составляли не более 33–34 м [2, с. 20].

Стоит отметить, что условия рыболовства среднеобских селькупов конца 1920-х – начала 1930-х гг. практически мало изменились в течение столетия (несмотря на предшествующее внедрение в их промысловую практику рыболовных орудий русского типа: неводов и сетей) и продолжали оставаться традиционными с периода описания их еще А. М. Кастреном (1840-е гг.) [7, с. 135].

Фактически без изменений в 1920-е гг. оставалась и система землепользования селькупов по рекам Кеть и Тым, рыболовные угодья на которых находились в территориальной собственности жителей поселков. Река Тым, например, до 1932 г. эксплуатировалась всеми селькупками совместно: каждую весну селькупы с верховьев Тыма спускались к Напасу, где распределяли между собой рыболовные пески, и только в устье реки на песках осуществляли коллективный промысел, добыча от которого делилась поровну среди семей [8, с. 93; 4, с. 22].

Наиболее заметные изменения в системе собственности селькупов Нарымского края на рыболовные угодья наблюдались на р. Оби, где проживала значительная доля русского населения. Так, в начале XX в. целый ряд селькупских рыболовных участков по р. Оби уже принадлежал русским старожилам. В 1920-е гг. со стороны русского населения участились случаи перегораживания устьев рек сплошными рыболовными запорами, что препятствовало проходу рыбы из больших рек вверх по их притокам и затрудняло ее лов проживающим там инородцам края. Обские селькупы, будучи не в состоянии конкурировать и отстаивать свои интересы на собственность, вынуждены были искать для себя новые водоемы для осуществления рыбопромысла [9, с. 181; 10, л. 168].

В целом к началу 1920-х гг. в большинстве хозяйств среднеобских селькупов отмечалось бедственное экономическое положение, вызванное упадком рыболовного промысла [9, с. 157; 11, № 3, с. 95–96].

Томскими властями в этот период предпринимались определенные шаги, направленные на за-

щиту прав и подъем традиционного рыболовства инородческого населения Нарымского края. Так, в 1920 г. было принято решение о запрете ловли рыбы русским населением в устьях рек на пространстве до 2 плесов. В 1922 г. решением межведомственной комиссии при губисполкоме инородцам Нарымского края, прежде всего остяцкому (селькупскому) населению, были возвращены все рыболовные угодья, которыми они фактически пользовались до 1 марта 1917 года [10, л. 282].

Однако именно в это время наметилась политика по реформированию всей системы традиционного рыболовства, отвечающая государственным требованиям «цивилизованного» подхода в условиях зарождающейся плановой экономики [11, № 4, с. 92]. Так, в 1920-х гг. рыболовные угодья кетских селькупов стали постепенно переходить в собственность государства и наиболее доходные из них сдаваться селькупкам в аренду за определенную плату, устанавливаемую по доходности того или иного участка. Менее доходные участки, не имеющие промыслового значения, должны были выкупаться за рыболовный билет стоимостью 3 рубля [4, с. 21–22].

Одним из кардинальных поворотов в проблеме «водоустройства» и развития рыболовства среди коренного населения Сибири стали решения расширенного пленума Комитета Севера при Президиуме ВЦИК (28.02.–5.03.1927 г.). Согласно им все рыболовные угодья, которые в прошлом находились в родовой или общинной собственности, закреплялись за коренным населением в трудовое пользование. Единоличным хозяйствам и общинам предоставлялось право преимущественного пользования водоемами, расчищенными или вновь возобновленными в промысловом отношении силами этих хозяйств или общины. Государственные организации, отвечающие за снабжение народов Севера, должны были своевременно и в достаточном количестве завозить необходимые для промысла орудия и продовольствие [11, № 3, с. 88–89]. Спорные рыболовные угодья могли сдаваться во временное пользование коренному населению или русским поселенцам¹ [11, № 4, с. 116].

Изменения в традиционном рыболовстве среднеобских селькупов стали очевидны в конце 1920-х – начале 1930-х гг. В первую очередь они связаны с созданием коллективных охотничье-ры-

¹ Характерным примером этого служит хозяйственный спор между русским населением Иванкинской волости с селькупками юрт Иготкиных и Тягловых об исключительном праве пользования рыболовными угодьями на р. Оби. Эти угодья были одновременно арендованы на правах фактического пользования ими до 1917 г. как населением Иванкинской волости, в том числе и иванкинскими селькупками, так и селькупками юрт Иготкины и Тягловы. Результатом этой тяжбы стало решение Нарымского уисполкома от 3 мая 1923 г. и Томского губземуправления от 1 октября 1923 г. о праве общего пользования рыболовными угодьями на р. Оби как селькупками, так и русскими, проживающими в с. Тогур, деревнях Северной, Усть-Чая и Петропавловской. Кроме того, так как у селькупов ю. Иванкиных, как полагали власти, рыболовных мест было в избытке, то к ним присоединили селькупов юрт Иготкиных и Тягловых для временного совместного пользования этими угодьями [9, с. 177–180].

боловческих хозяйств (артелей). Данная форма коллективизации получила широкое распространение на территории Нарымского края в 1931–1932 гг. Однако она часто проводилась при жестком административном давлении, причем нередко отмечались случаи запугивания людей, невыполнения обещаний по льготам и помощи коллективным хозяйствам. На Кети, например, практиковалось вовлечение селькупов в артели путем ущемления прав единоличников при распределении промысловых угодий, что приводило нередко к вражде между жителями – членами артели и единоличниками [5, л. 31 об].

Не менее сложно ситуация складывалась и на Тыме. До 1932 г., как показывают источники, уставных коллективных хозяйств там еще не было: селькупы неохотно принимали новую для них форму хозяйствования. На добровольных началах существовали только две временные рыболовные бригады (группы), которые не были оформлены уставом и не утверждены районным земельным отделом [12, л. 11]. Однако уже к концу 1932 г. на собраниях были приняты решения о создании простейших уставных промысловых артелей: «Табек» – ю. Кулеевы, «им. Смидовича» – ю. Напас, «Пуш-рыба» – ю. Каджи, «Модет-куп» – ю. Пыль-Карамо. В 1933 г. образованы артели «им. Кагановича» – ю. Кананак, «им. Молотова» – ю. Напас, «Труженик» – ю. Кочеедровы, «Бедняк» – ю. Сарафановка, «Путь к социализму» – ю. Зимний Напас. В следующем году оформились артели «им. Кирова» – ю. Варгананжины, «2-я пятилетка» – ю. Лымбель-Карамо, «им. Буденного» – ю. Ванжиль-Кинак и «Красная звезда» – ю. Нюлядровы. Таким образом, к середине 1930-х гг. практически все коренное население Тыма было вовлечено в коллективную форму хозяйствования, одним из обязательных условий которой было полное обобществление всего рыболовного инвентаря.

Это условие вступало в противоречие с традиционным сознанием селькупов: они готовы были делить поровну орудия рыболовства, поступавшие к ним от госорганизаций, однако личные ловушки предпочитали оставлять в единоличной собственности [5, л. 31 об].

Вместе с тем во второй половине 1930-х гг. рыболовный промысел не только на Тыме, но и на территории всех туземных советов полностью перешел на бригадный лов с полным обобществлением рыболовного инвентаря [5, л. 28]. На Тыме к 1939 г. 13 артелей объединяли 658 селькупов [13, с. 119–120]. В Верхнекетском районе в это время функционировало пять простейших производственных артелей: «Новая жизнь» (24 хозяйства) в с. Максимкин Яр, «Охотник и рыбак» (20 хозяйств) в ю. Алипка, «Промысловик» (17 хозяйств) ю. Бе-

лый Яр, «им. Ворошилова» (9 хозяйств) в ю. Орлюковы и «Победа» (13 хозяйств) в ю. Зубрековых [5, л. 26]. С середины 1930-х гг. селькупские рыболовецкие артели перешли на трудодни [14, л. 16].

Распределение водоемов среди селькупов в 1930-е гг. проводилось на основании их фактической принадлежности к тем или иным юртам. Угодья передавались в постоянное трудовое пользование. Однако лучшие в продуктивном отношении водоемы распределялись прежде всего среди колхозов, оставшиеся отдавались единоличным хозяйствам [5, л. 70 об]. На Тыме с учетом общей площади продуктивных водоемов в 19000 га на каждого рыбака приходилось около 50 га [3, л. 89–89 об]. На территории Верхнекетского туземного совета насчитывалось 36 промысловых речек, 62 акки и 70 озер [5, л. 50, 62]. Рыболовные угодья распределялись на сезон за определенной бригадой рыбаков, которая состояла из 5–7 человек. Каждый новый сезон лова рыболовные участки могли перераспределяться, и уже другая бригада могла работать на них на тех же экономических условиях, что и предыдущая [15, л. 15 об].

Основными промышленными орудиями лова в 1930-е гг. становятся невода, сети, орудия запорного рыболовства. Невода использовали в течение всех сезонов лова (зимой на озерах, весной на реке, летом в акках и озерах, осенью в реках и озерах), атармы – только весной, сети – с весны до осени. Средством добычи соровой, или как ее называли сами селькупы, перной рыбы на Тыме служили атармы, и в редких случаях, где позволяли условия, режевки. Такие ловушки, как венгеря, дорожки, жерлицы использовались селькупам для личного лова и существенной роли в выполнении плановых заданий по рыбозаготовкам не играли. Более того, фитили и переметы на Тыме в тот период, например, имели незначительное распространение и также не влияли на плановые показатели [3, л. 81].

Заметным явлением на Кети и Тыме в 1930-е гг. стало распространение традиционного запорного рыболовства. Запоры ставили в течение всей зимы, летом и осенью. Однако, по данным экономического обследования рыбного промысла Кети и Тыма земледовоустроительной (ЗВУ) партией в начале 1930-х гг., запорное рыболовство там приобрело «хищнический» характер. Запоры затрудняли ход рыбы на зимовку и нерест. Рыба массой скапливалась в них, что приводило к ее замору и гибели. Поэтому данный вид промысла власти в перспективе старались ограничить и исключить из рыболовной практики селькупов [5, л. 44].

Исходя из предполагаемых запасов рыбы в водоемах Нарымского края, государство планировало увеличить ее добычу до 5000 ц в год. При интенсификации промысла и освоении новых водое-

мов выполнение плановых заданий могло быть, по мнению властей, реальным.

Стремление государства к увеличению объемов улова объяснялось острой необходимостью содержать в «продовольственной безопасности» рабочих Кузбасса и других развивающихся промышленных центров южной Сибири [16, л. 40]. Рыболовство в 1930-е гг. приобретает значение «важнейшей хозяйственно-политической компании». В этих условиях районные власти стремились охватить (на 100%) рыбным промыслом все имеющиеся у селькупов водоемы. Туземным советам предписывалось мобилизовать рыбаков на полное опромышление водоемов чердачным ловом с организацией двухсменной системы осмотра ловушек, осуществление ими «подлинного руководства» системой лова и рыбозаготовок, обеспечить «полный переход ловцов от одного вида лова к другому (чердачный, пёрный лов и др.)» [16, л. 52–53]. Особенно рекомендовалось всем рыбозаготовительным организациям и рыболовным артелям в полном объеме использовать возможности сорового промысла (лов рыбы в период половодья в низменных местах, заливаемых водой, на «сохах»; «пёрный лов»), которым необходимо было охватить практически все доступные для лова места, чтобы «ни один исток, таежная речка, не остались неиспользованными» [17, с. 13–14].

Однако регулярное увеличение рыбодобычи, по мнению ихтиологов, могло привести к «перелову» и истощению рыбных запасов, особенно если интенсификация промысла, на которую рассчитывали власти, будет производиться на основе использования запоров [3, л. 91 об]. Кроме того, существовали серьезные опасения переоценки продуктивной возможности самих водоемов. На Тyme, например, водоемы характеризовались малым вегетативным периодом, равным 5–6 месяцам в году, дистрофным типом озер, более низкой температурой воды в реке в течение летнего времени, по сравнению с Обью. Весьма существенное понижение объема рыбопродукции давал замор, который приводил ежегодно к физическому уничтожению части рыбы, с одной стороны, и понижению товарной ценности ее в зимнее время, с другой стороны [3, л. 90–90 об].

Естественно, что при активных попытках государства интенсифицировать рыбодобычу и пассивном сопротивлении населения, выразившемся в стремлении осуществлять традиционную систему лова, планы по рыбозаготовкам на территориях туземных советов постоянно не выполнялись. Единственный случай выполнения и перевыполнения плановых заданий, как показывают источники, относится к 1931 г., когда на Тyme было сдано государству 121 082 кг рыбы, или 1 210,8 ц, при

плане 120 000 кг. Однако эти цифры были достигнуты за счет подключения к рыболовству русских рыбаков [16, л. 45, 79; 3, л. 89 об–90]. В последующие годы невыполнение планов по рыбозаготовкам становится обычной практикой.

Причины невыполнения плановых заданий руководство объясняло слабой подготовкой к путине, привлечением рыбаков к различным видам работ, прежде всего лесозаготовке и заготовке сена, несвоевременной заброской сезонных видов ловушек, нечетким распределением заданий среди рыболовных бригад, «не обеспечением кулацко-зажиточной части твердыми заданиями» по рыбозаготовкам. Кроме того, по туземным районам во время путины отмечались случаи пьянства и «проявления халатности», что также отражалось на уровне рыбозаготовок [16, л. 8, 18, 40, 48, 52, 57, 69].

Административные меры воздействия, а также применение стимулирующих факторов (социалистическое соревнование, ударничество, премии), «усиленная разъяснительная агитация», контроль за промыслом, организация ударных «прорывных» бригад и тому подобное, не могли повлиять на степень выполнения планов. Вина за срыв плановых заданий целиком лежала на местном руководстве.

Новым явлением в хозяйственной жизни среднеобских селькупов стало внедрение крупномасштабной консервации рыбы. Однако отсутствие навыков засолки рыбы и необходимых условий для ее обработки и хранения напрямую отражалось на планах по рыбозаготовкам. В засолпунктах и на местах лова скапливалось огромное количество свежей рыбы, которая требовала скорейшей консервации. Только в конце мая 1931 г. из-за отсутствия соли и тары на напасском засолпункте испортилось 2 237 кг добытой рыбы [16, л. 65]. По сведениям врача Ю. Напаса Гуковича, этот улов 2 недели лежал необработанный. Портилась также и та рыба, которая была засолена. Она хранилась в крытых лодках, в которых можно было засолить не более 500 пудов рыбы. Лодки эти стояли под открытым небом, протекали, рыба заветривалась [16, л. 60].

Администрация напасского тузсовета в этой ситуации снимала с себя всю ответственность за невыполнение плановых заданий [16, л. 59–59 об.].

Тем не менее, несмотря на большие потери улова рыбы, власти требовали не прекращать ее добычу. Пойманную рыбу рекомендовалось солить на месте, если имелась соль, или сохранять в садках до получения соли и тары для засолки [16, л. 62].

На выручку приходил промысловый опыт селькупов. Ярким примером этого служит факт консервации рыбы ранней весной 1931 г. на берегу р. Чимжельки в 40 км от ближайшего засолпункта.

Из-за отсутствия соли и тары и возможности вывоза рыбы к засолпункту 400 пудов рыбы хранилось на возвышенном месте в естественном углублении почвы. Рыба была засыпана снегом, верхний пласт которого был закрыт толстым слоем хвои. Место это располагалось на северной стороне и было защищено от солнца густым кедровником. Рыба таким образом могла храниться не более двух недель [16, л. 61].

Новым в традиционной экономике селькупов следует считать введенные в 1920–30-е гг. особые правила по рыбодобыче для рыболовецких артелей. Отдельно оговаривались условия лова рыбы и для личного потребления [15, л. 12, 13–13 об]. Эти правила фактически не менялись на протяжении ряда лет. Они были адаптированы к экологии региона и отвечали требованиям сохранения ихтиофауны. Например, незначительные изменения были внесены в правила лова рыбы для личного потребления в начале 1941 г.: разрешалось бесплатно ловить рыбу всем «трудящимся» на всех водоемах в установленное для рыболовства время без права продажи выловленной рыбы. Ловить можно было переметами до 20 крючков, ставными и плавными сетями длиной до 20 м на лодку. Для тех граждан, которые ловили рыбу для сбыта, необходимо было выкупать билет на право использования рыболовных снастей: за невод длиной до 30 м – 202 р. за билет, до 100 м – 405 р., до 200 м – 675 р., за ставные и плавные сети – 27 рублей [18, л. 172].

Особое внимание в 1930-е гг. стало уделяться и природоохранным мероприятиям. Так, под заповедники и государственные заказники, где должен быть ограничен или полностью запрещен рыболовство, планировалось в 1932 г. отвести зону в устье р. Тым, а также р. Польшу от 2-го оз. Польшу до 1-го озера, где запрещался любой промысел в течение года. Кроме того, населению рекомендовалось сократить, а в некоторых случаях и полностью исключить из традиционного рыболовства использование рыболовных запоров на реках Мымельга, Окунева, Косес, Чебачья, Усес и Польшу [3, л. 136 об, 141, 180]. Население также должно было вести рациональный промысел, максимально используя водоемы, охранять их от истощения и расчищать их от засоренности [3, л. 141 об–142].

Вместе с тем, как показала практика первых лет плановых рыбозаготовок, значительная часть водоемов, приписанных туземным советам, не опромысливалась полностью. Причину этого власти усматривали в малочисленности туземного населения, которое было не в состоянии эксплуатировать все имеющиеся у него в трудовой собственности угодья. По мнению местных чиновников,

для выполнения плановых заданий и освоения новых водоемов необходимо было привлекать население из других соседних сельсоветов, прежде всего из русских населенных пунктов [16, л. 1].

В связи с этим в начале 1930-х гг. территории, закрепленные за национальными туземными советами, стали рассматриваться властями и государственными заготовительными организациями как наиболее перспективные для заселения и последующего хозяйственного освоения районы. Селькупам настоятельно рекомендовалось выделить из своего земельного фонда рыболовные угодья для осуществления на них промышленного лова рыболовными артелями из других соседних сельсоветов. При этом туземным советам гарантировали (на первых порах) определенные денежные отчисления за аренду их водоемов (два раза за путину), временное (на период путины) пребывание рыболовных артелей на селькупской территории в строго отведенных местах без права их передвижения. Кроме того, за селькупами сохраняли все их права и привилегии [16, л. 5–6]. В то же время указывалось, что туземные советы несут полную ответственность перед государством за срыв плановых заданий по рыбозаготовкам [16, л. 1].

Если в границах туземных советов селькупские рыбоугодья были формально неприкосновенны, то за их пределами ситуация кардинальным образом отличалась. Так, в нижнем течении р. Кети, на землях Широковского и Типсинского сельсоветов, рыболовные угодья, закрепленные за проживавшими там селькупами землеотводной грамотой 1930 г., изымались в пользование спецпереселенцев. В 1932 г. от промысловых угодий Карелиных для спецпереселенческих нужд были изъяты основные промысловые водоемы: старицы «Северная», «Магзыр», «Полуденная», речка Большая Анга. В пользовании селькупов ю. Карелиных осталась только речка Малая Анга и несколько карасевых озер. Большая часть селькупов (4 хозяйства из 6) были вынуждены переселиться в пределы Верхнекетского туземного совета, бросив свои жилые и хозяйственные постройки [5, л. 81]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в ю. Ганькиных, где спецпереселенцам отошли речки Сунга, Карбак и Окунева.

На Тyme ситуация складывалась иначе: с образованием в 1932 г. Тымского национального района пределы Тыма стали заселяться селькупами – выходцами с Оби, Парабели, Васюгана, Кёнги. Тымские жители были поставлены в условия раздела своих промысловых угодий среди своих же соплеменников. Вновь прибывшие не имели на Тyme своих территорий, следовательно, вопрос о наделении их рыболовными и охотничьими угодьями встал достаточно остро [8, с. 94; 19, с. 89–90].

В середине 1930-х гг. закрепленные за селькупами в трудовое пользование рыбопромысловые водоемы уже не рассматривались как неотъемлемая часть сохранения культуры этноса. Государство стремилось прежде всего обеспечить «максимальное развитие социалистического рыбного хозяйства». Туземные советы и коренное население при этом должны были обеспечивать эффектив-

ное использование рыбных ресурсов, охранять их от истощения и хищнического лова [5, л. 70 об].

В связи с новыми процессами в системе селькупского рыболовства неперенным фактором стало столкновение интересов. Интенсификация рыбного промысла, навязываемая государством в 1930-е гг. была трудносовместима с традиционными нормами природопользования селькупов [20, с. 142].

Список литературы

1. Иоганзен Б. Г. Природа Томской области. Новосибирск, 1971. 175 с.
2. Головнев А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993. 203 с.
3. Архив ТОКМ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 208.
4. Орлова Е. Н. Население по рекам Кети и Тыму, его состав, хозяйство и быт (Работы научно-промысловой экспедиции по изучению реки Оби и ее бассейна). Красноярск, 1928. Т. 1. Вып. 4. 55 с.
5. Архив ТОКМ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 48.
6. Шостакович Б. Промыслы Нарымского края // Зап. ЗСО РГО. Омск, 1882. Кн. 4.
7. Кастрен М. А. Путешествие в Сибирь (1845–1849). Тюмень, 1999. Т. 2. 351 с.
8. Прокофьева Е. Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник. М.–Л., 1952. С. 88–107.
9. Вехи патернализма: судьбы коренных малочисленных народов томского Севера в системе Российской государственности (нач. XIX в. – 30-е гг. XX в.). Томск, 2006. 446 с.
10. ГАТО. Ф. Р.-28. Оп. 1. Д. 1261.
11. Северная Азия. 1925. № 4; 1927. № 3; 1928. № 3–4.
12. ГАТО. Ф. Р.-747. Оп. 1. Д. 79.
13. Марков В. И. Из истории Тымского туземного района (1932–1949) // Вопр. экон. истории России XVIII–XX вв. Томск, 1996. С. 116–135.
14. ГАТО. Ф. Р.-747. Оп. 2. Д. 17.
15. Там же. Оп. 1. Д. 12.
16. Там же. Д. 89.
17. Охотник и рыбак Сибири. 1933. № 1.
18. ГАТО. Ф. Р.-991. Оп. 1. Д. 154.
19. Тучкова Н. А. Селькупы реки Парабели (этнографический очерк) // Тр. Томского гос. объединенного ист.-архит. музея. Томск, 1994. Т. 9. С. 68–98.
20. Тучков А. Г. Инновации 1920–30-х годов в хозяйственной жизни селькупов и их последствия для традиционной культуры // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2010. Вып. 9 (99). С. 138–144.

Тучков А. Г., кандидат исторических наук, доцент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: tucha@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 12.07.2011.

A. G. Tuchkov

FISHING INNOVATIONS AMONG THE NARYM SELKUP IN 1920–1930s

The article is based on the archive material dated as back as 1920–1930s. The central point of attention is the mechanisms of the cultural change among Selkup people at the critical time for the Russian economy. It was found out that the fishing traditions and customs of the Selkup population underwent material change because of the new social and economic relations that appeared at the time. As a result of the changes the Selkup economy integrated greatly in the economy of the Soviet society.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: tucha@rambler.ru